научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 81.161.1 +81:39

ПОРОГ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

ДЬЯЧКОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
gyla4@yandex.ru

ШИРИНОВА АРИНА АРТЁМОВНА
студентка 3 курса Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
arinashirinova1@gmail.com

ТИМАНОВСКАЯ ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА
студентка 3 курса Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
Ohiko2016@mail.com

Ключевые слова:
традиционная культура
языковая картина мира
этимология
порог
дом
семантико-мотивационная модель
семантико-мотивационная интерпретация

Аннотация:
В статье рассматривается значение порога в традиционной русской культуре на основе языковых данных. Анализ употребления лексемы порог в литературном языке и русской диалектной речи позволяет выделить несколько мотивационных моделей, источником которых являются архаичные мифопоэтические представления о пороге как части дома. Наиболее отчетливо и разнообразно в значении данного слова репрезентируется понимание его как границы пространства-времени. Вместе с тем порог может использоваться в качестве одной из метонимических номинаций дома и олицетворять собой всех живущих в нем. Уподобление порога дому получает развитие и в некоторых языковых метафорах: к их числу, в частности, относится употребление данной лексемы для наименования донного рельефа, а также факты, демонстрирующие отождествление дома и человека.
© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 17 марта 2022 года Опубликована: 18 апреля 2022 года

Введение

Пространство дома относится к числу базовых и, по всей видимости, наиболее значимых концептов традиционной народной культуры. В русской национальной картине мира восприятие дома и того, что находится за его пределами, тесно связано с противопоставлениями своего и чужого, близкого и далекого, безопасного и опасного. «Пространство дома близко человеку, т. к. человек через него входит в существующий мир, это пространство хорошо освоено и осмыслено, это фрагмент наиболее освоенного „своего“ мира» [9].

В языке как одной из форм национальной культуры также находит отражение это восприятие. Нельзя не признать, что, «несмотря на забвение древнеславянской мифологии и современное представление о доме как о небоскребах мегаполиса с комфортабельными квартирами, символ „дом“ присутствует в языке и цементирует его образность» [22: 92]. Репрезентации концепта «дом» в русском языке посвящены исследования В. В. Колесова [6], А. К. Байбурина [1], Ю. С. Степанова [15], Н. А. Криничной [7, 8], И. В. Якушевич [21, 22], языковое представление отдельных частей дома рассматривается в работах Е. Л. Березович [2] и ряда других лингвистов.

Будучи моделью микрокосмоса, пространство дома структурировано схожим образом: оно имеет свой центр и периферию, обладает собственными границами, посредством которых происходит связь с миром внешним, причем не только реальным, но и сакральным – миром мертвых. К числу таких объектов в традиционном русском доме относится *порог*, в котором образ мистической границы, одновременно и закрывающей, и открывающей вход в жилое пространство, актуализируется наиболее ярко.

Настоящее исследование посвящено анализу культурно-семантических коннотаций лексемы *порог* в русском языке. Основными источниками для изучения послужили словари современного русского литературного языка, диалектологические словари, исследования по этнографии, фольклору и культурологии. Отдельное внимание уделяется символике *порога* в традиционной культуре и лингвокультуре Русского Севера.

Лексема *порог* в русском языке: семантико-мотивационная интерпретация

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой даются следующие значения лексемы *порог* [14]:

1. Брус на полу под дверью (обычно деревянный). *Землемер первый шагнул через порог, низко согнувшись под притолокой.* Куприн, Болото. || Дверной проем, вход. *[Митя] вошел в комнату и, увидев меня, остановился у порога.* Тургенев, Однодворец Овсяников. || *перен.* (*обычно в сочетании со словами:* «родной», «отчий» и т. п.). Дом, очаг, семья. *Высокое счастье — увидев звезды, вернуться к родному порогу, обнять отца с матерью, посидеть с земляками.* Песков, Шаги по росе.

2. *перен.; чего.* Преддверие, начало чего-л., рубеж. *Теряя сознание, уже на пороге смерти, я тяжело застонал.* В. Беляев, Старая крепость.

3. Каменистое поперечное возвышение дна реки, нарушающее плавность ее течения. *Шум, глубокий и почти музыкальный, предупредил нас о близости порогов ---. Впереди показались черные, обнажившиеся из-под воды камни, между которыми вода бьется, пенится, бурлит и бушует.* Короленко, В пустынных местах.

4. *Спец.* Наименьшая величина, степень проявления чего-л. *Порог раздражения. Порог слышимости*.

Уже опираясь на представленные данные, можно определить несколько значений мифологического содержания у слова *порог*, закрепленных в русском литературном языке: 1) порог – граница; 2) порог – дом / родной очаг / семья; 3) порог – часть географического пространства (большого «дома»).

Ниже рассмотрим подробнее каждую из этих семантико-мотивационных моделей и ее языковую реализацию.

Так, наиболее ярко по языковым данным проявляется архетипическое представление о *пороге* как границе между мирами. В частности, сама этимология слова в славянских языках содержит недвусмысленное указание на этот факт. *Порог* является древним словом, восходящим к индоевропейской эпохе. Эта лексема есть во всех славянских языках и восходит к общеславянскому слову **porti* (в значении «разрезать, раздирать, бить» (а значит, и проводить границу. – *Прим. авт*.), ср. современное слово *пороть*) [18, т. 3: 329]. Семантика границы / предела отражается и в значении ‘наименьшая величина, степень проявления чего-л.’, которая проецируется в данном случае на «пространство» возможностей кого-либо или чего-либо (*болевой порог, порог чувствительности, порог достоверности* и подобные). Так, в оценке человеческих способностей данное значение реализуется, когда мы говорим: *Это мой порог. Мне его не преодолеть* (о невозможности выполнить какую-либо задачу).

Мифологическое представление о границе дома, разделяющей пространство мироздания на «свое» (домашнее) и «чужое», и, соответственно, людей на «своих» и «чужих», ярко отражается в русской фразеологии. См., например, выражения *не пускать на порог* ‘не принимать кого-либо у себя, в своем доме’, *обивать / обходить пороги* ‘часто, постоянно ходить к кому-н. с просьбами, ходатайствами’, *выставить за порог* ‘выгнать’, *держать кого-либо на пороге* ‘отказывать в приеме, не

пускать в дом' [3], где образ не столько пространственной, сколько уже социальной дистанции-границы подчеркивается посредством упоминания анализируемой лексемы. И тот, и другой фразеологизм определяют место для «нежеланных» людей, людей не «своего круга»: они допускаются только на *порог* или остаются за ним. Обратим внимание, что доброжелательное отношение к «чужим», гостеприимство в русской речевой культуре тоже раскрывается в представлении о положении человека относительно *порога*, выражается в таких этикетных формулах, как *Не стойте у порога, проходите; Что ты топчешься у порога, как будто тебя не пускают* и подобные. Посредством лексемы *порог* в русском языке выражается также жесткий запрет покидать дом, где *порог* снова выступает в роли символа, репрезентирующего границу жилища, *– за порог ни ногой*.

Образ границы может реализоваться в русском языке при упоминании *порога* и в том случае, когда речь идет о времени. См., например, культурологический комментарий к выражению *на пороге* в «Фразеологическом словаре» под редакцией В. Н. Телия:

Порог является границей дома, отделяющей то пространство, которое «здесь», от того, которое «там». Нахождение на границе означает максимально возможное приближение к чему-л. В образе фразеологизма находит отражение универсальная метафора, уподобляющая пространственные и временны́е отношения: временна́я близость метафорически отождествляется с пространственной близостью (ср. *на носу, за плечами*). В образе фразеологизма метафорически переосмысленная оппозиция «своего» и «чужого» пространств, разделённых **порогом** дома, переносится на временны́е отношения [3].

Собранный диалектный материал отражает, за исключением временного значения, схожую картину языковой реализации семантической модели «порог – граница». См. в «Словаре русских народных говоров» [13]: ***Быть позадь порога*** 'быть дома, оставаться дома' *Ты через порог, я за порог, а позадь порога кто будет!* (т. е. дома) Даль; ***Стоять в пороге*** 'стоять у порога' *Што ж ты стоишь в пороге? Проходи, садись на лавку* Пск., Дон., 1929; ***Не знать чьего-л порога*** 'прекратить знакомство с кем-л.' *Прошу вперед нашего порога не знать*. Ворон.,1892; ***Стоять над порогами***. 'ходить по миру, нищенствовать' Даль; ***Стать порогом поперек кого-л***. 'стать препятствием, помешать при сватовстве невесты' *Не порогом мы поперек вас стали есть лучше нас (говорят настойчивой свахе).* Даль (СРНГ 30: 65).

В русле обсуждаемой проблемы особого внимания заслуживает семантическая мотивация диалектного выражения ***наступать на порог*** 'требовать, принуждать' *Девушка его не хотит, а он на порог наступает, аж на пятки*, зафиксированного в донских говорах (СРНГ 30: 65). Во внутренней форме этого фразеологизма мы наблюдаем отождествление дома и человека, в данном случае через образ *порога* воплощается мысль о нарушении границ внутреннего пространства личности, грубом психологическом вторжении на чужую территорию.

Образ места *у порога* / *на пороге*, который мы анализировали выше на материале литературного языка, также находит отражение в диалектных устойчивых выражениях. В этом отношении интересен фразеологический оборот ***под порогом*** 'без присмотра' *С какой хозяйкой сойдусь — она около своих детей, а мои под порогом*. Кемер., 1964 (СРНГ 30: 65), в семантике которого отражается народная оценка положения *около порога* как периферийного и, следовательно, унизительного и, тем более, не соответствующего для «своих». Ср. с литературным контекстом, также ярко выражающим это понимание: *Почему ты не позволил мне поставить его на место? Он не имел права нас останавливать. И уж тем более не дело* ***держать нас на пороге, как каких-то холопов****!* (М. Николаева. Наследство золотых лисиц, 2018)[1].

Образ порога, связанный с восприятием его как границы дома, «восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира, олицетворяющей различные грани перехода между „своим“ и „чужим“ пространством», в котором *порог* является одним из «ключевых мест, от которых зависит безопасность человека» [10, т. 2: 341]. Данное обстоятельство объясняет, почему *порог* в традиционной русской культуре осмысляется как место, которое требует особого отношения. В речи это реализуется в целом перечне запретов, многие из которых продолжают функционировать в повседневной жизни: *Я привезла вам ваши деньги. Вчера забыла отдать. – Вздернув нос, протянула я сотку. – Кто же* ***деньги через порог возвращает****? Так не годится! – Главный редактор шустро схватил меня за руку и силой втянул меня в квартиру.* (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками. 2005). Запрет передавать что-либо через *порог*, представленный в данном примере, в некоторых источниках получает дополнительное обоснование. В частности, он связывается со славянским языческим обычаем закапывать прах человека под *порогом* дома, чтобы он охранял его от невзгод и неприятелей. А передавать что-либо через *порог* было нельзя, потому что считалось, что мертвец может забрать это

себе [19]. По-видимому, первичный смысл получил дальнейшее развитие в запрете осуществлять через *порог* любое взаимодействие. См. по этому поводу в словаре В. И. Даля: *Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать — будет ссора* [17].

Список примет и запретов, связанных с восприятием *порога* как сакральной зоны, находиться в пределах которой или вести себя неподобающим образом может быть опасно, дополняет обращение к диалектному материалу. Так, анализируя обрядовый фольклор Русского Севера, запреты, связанные с *порогом*, отмечает известный этнограф П. С. Ефименко: *ступать на порог ногой нельзя – станешь распутной (о женщине); вёхоть оставлять в помоях или собирать вёхтем в избе около дверного порога сор (мусор) в подол платья – родятся дети своробливыя, т. е. хилые, болезненные; холостой мущина, если сядетъ на порогъ, то не женится, потому предупреждают севшаго на пороге словами: «не садись на порогъ невесты уедутъ;» съ девицей же будетъ то, что у ней женихи уедутъ, если она сядетъ на порогъ* [5]. Добавим, что связь указанных запретов со свадебным культурным кодом продолжает жить в русской традиции и сегодня и проявляется в обычае переносить невесту через *порог* дома во время свадьбы.

В качестве заключения отметим, что как граница между «своим» и «потусторонним» миром *порог* также считался подходящим местом для осуществления магических действий в народной медицине: там произносили заговоры, изготовляли целебные предметы, производили обрядовые манипуляции. Приведем пример одной из таких заговорных практик, записанной на территории Карелии в 1929 году: *Если болит спина, то рубят на пороге голик на пояснице у больной. Больная идет к бабке, та кладет ее на порог, вниз животом, берет голик, кладет его на поясницу и рубит голик топором. Больная должна спросить у лечащей: Что рубишь, раба Божья (имя)? А она отвечает: — Рублю-перерубаю уем, вырубаю-перерубаю. Так проделывают на трех порогах, а потом голик бросают на дорогу* (д. Шуя, Прион. р-н) [20]. Судя по диалогу, происходящему между лечащей и больной, можно предположить, что обряд этот проводился именно на *пороге* неслучайно: *порог*, «перерубающий» пространство дома и «не-дома», боль в пояснице, «перерубающая» человека поперек позвоночника, ворожея, рубящая голик, – это символическая связка, представляющая единую смысловую цепь, где каждое звено изоморфно другому. Соблюдение всех этих условий, тем более с троекратным повторением, по всей видимости, должно было сообщить обряду особую силу.

В некоторых комментариях, представленных выше, мы уже упоминали о возможности обозначения через образ *порога* дома в целом (см., например, фразеологизмы *не пускать на порог*, т. е. ‘не пускать в дом’, *обивать пороги* – ‘ходить по чужим домам’, *ни ногою за порог* – ‘не выходить из дома’). Существование данной мотивационной модели вполне предсказуемо и проявляется в языке системно. И. В. Якушевич, рассуждая об этом, отмечает, что выразителями символа дом в языке может выступать «как само слово *дом*, так и другие номинации, в чью семантическую структуру входят значения ‘здание, жилище’. Это однокоренные слова (*домик, домишко, домашний, домище, по-домашнему, надомный, бездомный* и др.), родо-видовые номинации (*изба, комната, дворец, шалаш, хижина, сарай* и др.), метонимические номинации, в том числе и детали (*окно, подпол, дверь, крыша, печь,* ***порог*** (выделено нами. – *Прим. авт.*) и др.)» [22: 93]. Метонимическое представление дома в образе *порога* проявляет себя во многих пословицах и поговорках: *Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет. Девичий стыд до порога, а переступила, так и забыла. Добрая слава до порога, а худая за порог. Высоки пороги на мои ноги* (‘нет входа в дом’). Словосочетания *свой / родной порог, чужой порог* характеризуются в языке той же семантикой.

Важно отметить, что связью с домом опосредованы и другие семантико-мотивационные модели, отмеченные нами у анализируемого слова. Так, лексема *дом* метонимически может быть использована в русском языке для обозначения родного очага / семьи, в связи с чем те же функции по аналогии приобретает и номинация *порог.* См. уже приведенный ранее пример: *Высокое счастье – увидев звезды, вернуться к родному порогу, обнять отца с матерью, посидеть с земляками.* (В. Песков. Шаги по росе) [14].

Образ дома мотивирует в русском языке и метафорический перенос данного наименования на обозначения реалий географического пространства. В данном случае имеется в виду функционирование лексемы *порог* в значении ‘каменистое поперечное возвышение дна реки, нарушающее плавность ее течения’, и неизвестное литературному языку обозначение *порога* ‘трещина во льду (реки, озера), края которой то сходятся, то расходятся’ *Когда замерзают полыньи, рвет порогу Порога существует кругом озера на 2–7 верст от берега Волхов и Ильмень, о Быльная порога Трещина во льду, каждый год появляющаяся в одном и том же месте Пек., 1912–1914* (СРНГ, 30: 66).

Семантико-мотивационная модель, представленная в данных употреблениях, имеет большое количество аналогий в русской национальной картине мира. Подробно они рассматриваются в работах О. А. Теуш, которая на основе севернорусского диалектного материала показывает, что «образ двора и дома» в традиционном крестьянском сознании «наложен на все географическое пространство» [16: 247]. Помимо *порога*, схожим образом используются для обозначения природного ландшафта на Русском Севере лексемы *окно* ‘небольшое пространство чистой воды в болоте’ (Арх.: Вель., В.-Т., Леш., Мез., Пин., с. -Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., К.-Г., Хар.; Костр.: Кологр., Чухл., Пыщуг.); *ворота* ‘узкий морской пролив, где бывает сильное течение’; ‘клинья леса, с двух сторон вдающиеся в болото’ (Арх.: Мез.); ‘узкое глубокое место в реке между отмелями’ (Арх.: Вин.); *стена* ‘отдельный массив леса по краю болота’ (Арх.: Мез., Пин.), *шолныша* ‘узкий сухой участок на болоте’ (Арх.: Холм.); *шóмуша* ‘рукав поля, болота’ (Арх.: Вин., Шенк.); *очаг* ‘круглая яма’ (Влг.: Ник.), ‘яма в реке, омут’ (Яр.: Некр.); *колодец* ‘небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте’ (Арх.: Вель., В.-Т., Леш., Мез., Пин., с. -Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., К.-Г., Хар.; Костр.: Кологр., Чухл., Пыщуг.) [16: 247-248].

К обозначенным в работе исследовательницы примерам можно добавить факты употребления лексемы *печь / печка* в севернорусских говорах, номинирующей такие объекты, как ‘подводная скала’: *Еще бывает печь, это щелья, вроде печи, высокая, с обрывом, а кругом место глубокое, короче сказать, скалы это под водой* Медв. (СРГК, 4: 502); ‘самое мелкое место озерной мели’. *Луды – мелкие места на озере, рыбачат у нас и лудах. Самое мелкое место луды – печка.* Медв. (СРГК, 4: 499); ‘нагромождение камней на дне озера’ (мн.) Пск.; ‘сторону проруби, куда сгребается лед’ (сами скопления этого льда). *Печка – лед срубленный, выкидывается на сторону; где изволока и поддача, там большие печки.* Калин., Новг. (СРНГ, 27: 7).

Приведенные примеры, как и переносные значения самой лексемы *порог*, убеждают в том, что «метафорическое видение пространства, отраженное в географической терминологии Русского Севера, многосторонне отражает все элементы крестьянского быта, мир, ориентированный на собственное хозяйство, замкнутый на доме и человеке, живущем в нем» [16: 252].

Добавим, что перечень параллелей в развитии семантики слов *дом – порог* был бы не полным, если не остановить внимание на ее реализации в номинациях тела человека, его физического состояния. Метафора дома в языковой характеристике человека тоже является языковой универсалией, в частности в русском языке она отражается во внутренней форме таких выражений, как *крыша поехала, крыша протекает*, *съехала башня, он открылся / закрылся, сердце на замке* и подобных. Использование в этой функции слова *порог* неизвестно литературному языку, однако на возможность аналогичного смыслового переноса указывают диалектные факты. См., например, употребление лексемы *порог* в псковских говорах для обозначения нижней губы человека: *У-ту! У тебя язык сплошь на пороге (говорят ребенку, высовывающему язык) Пск.* (СРНГ, 30: 66). В связи с последним примером думается, что вряд ли случайно в одном из заговоров от зубной боли, записанных в начале XX века на Каргополье, предлагалось сделать следующее: «Если болят верхние зубы, нужно на них положить щепку с верхнего *порога*, т. е. с верхней балки дверного косяка, а если нижние – с нижнего» [20]. Языковой образ преобразуется здесь в обрядовое действие, и в обоих случаях мы наблюдаем отождествление рта человека с входом / дверью, а его верхней и нижней части с *порогом*.

Несколько иначе отражается взаимодействие образов *порога* и *человека* в народных загадках: *Маленький мальчик всем под ноги смотрит. Маленький мальчик (Захарчик) всем под ноги заглядчик.* В данном случае пороговый брус представляется ребенком, лежащим на полу и подсматривающим под подол всем проходящим.

Через образ *порога* может представляться в народном сознании и внутренний мир человека («душевный дом»). В частности, отражение подобного взгляда фиксируется в диалектном фразеологизме *наступать на порог*, который мы уже рассматривали выше.

Выводы

Анализ употребления лексемы *порог* в литературном языке и русской диалектной речи позволил нам выделить несколько мотивационных моделей, источником которых являются архаичные мифопоэтические представления о *пороге* как части дома. Наиболее отчетливо и разнообразно в значении данного слова репрезентируется понимание его как границы пространства-времени. Вместе с тем *порог* может использоваться в качестве одной из метонимических номинаций дома и олицетворять собой всех живущих в нем. Уподобление *порога* дому получает развитие и в некоторых метафорах: к их числу относится употребление данной лексемы для наименования донного рельефа, а также языковые факты, демонстрирующие отождествление дома и человека.

*Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017–2021 гг.

Сокращения

[1]Примеры из современной художественной литературы приводятся из Национального корпуса русского языка (https://ruscorpora.ru).

Список литературы

• Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. - Ленинград: Наука : Ленингр. отд-ние, 1983. - 191 с.

• Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. - Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014. – 487 с.

• Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост.: И. С. Брилева и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. - Москва : АСТ-Пресс, 2009. - 781 с.

• Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2011. – 453 с.

• Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1 : Описание внешнего и внутреннего быта. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. – VII, 221 с. – (Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXX. Труды этнографического отдела. Кн. V, вып. I).

• Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов; ЛГУ им. А. А. Жданова. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. – 311 с.

• Криничная Н. А. Дом: его облик и душа : (К вопр. о тождестве символов в мифол. прозе и нар. изобразит. искусстве) / Н. А. Криничная. - Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. - 29 с.

• Криничная Н. А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по северно-русским материалам) // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 28-42 [Электронный ресурс]. – URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2009/Krinichnaya_%202009_2.pdf (20.08.2021).

• Лантух Н. А. Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира // Культура народов Причерноморья. – 2000. – № 13. – С. 129-135 [Электронный ресурс]. – URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94691/35-Lantukh.pdf?sequence=1 (20.08.2021).

• Мифы народов мира : Энциклопедия : В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. - 2. изд. , Репр. изд. - Москва : Большая Российская энциклопедия, 2003. – Т. 2. – 671 с.

• Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики ; Под общ. ред. Н.И. Толстого. - Москва: Междунар. отношения, 1995-2014.

• Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. - Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2004.

• Словарь русских народных говоров. Т. 1–45. - Москва; Ленинград, Санкт-Петербург, 1965–2013

• Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева]. - Изд. 3-е, стер. - Москва : Русский язык, 1985-1988.

• Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. - Москва : Академический проект, 2001. – 989 с.

• Теуш О. А. Образ русского крестьянского дома в географическом пространстве // Традиционные общества: неизвестное и прошлое. Материалы XV Международной научно-практической конференции / Под ред. П. Б. Уварова. - Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-пед. ун-та, 2018. – С. 247-255.

• Толковый словарь живого великорусского языка : в 4- х тт. / В. И. Даль. - Москва: Цитадель, 1998.

• Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. - Москва: Прогресс, 1987.

• Энциклопедия обрядов и обычаев. / Брудная Л. И., Гуревич З. М., Дмитриева О. Л./ [Электронный ресурс] — URL: https://www.booksite.ru/localtxt/enc/ikl/ope/diya/enciklopedya_obryad/19.htm, (дата обращения: 20.08.2021).

• Этнография и фольклор Архангельской и Олонецкой губерний [сайт]. - URL: http://ethnomap.karelia.ru

• Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. – Владимир: Транзит-ИКС, 2018. – 182 с.

• Якушевич И. В. Языковая реализация символа «дом» в диалектных названиях частей тела человека и деталей русской избы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018.- № 7 (130). – С. 92-99.

References

1. Baiburin A. K. Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs / A. K. Baiburin. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie, 1983. 191 p.

2. Berezovich E. L. Russian vocabulary on a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction. Moscow : Dmitry Pozharsky University, 2014. 487 p.

3. The Big phraseological dictionary of the Russian language / [auth.- comp.: I. S. Brileva et al.]; ed. by V. N. Telia. Moscow : AST-Press, 2009. 781 p.

4. Durov I. M. Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic application. Petrozavodsk: KarNTs Publishing House, 2011. 453 p.

5. Efimenko P. S. Materials on the ethnography of the Russian population of the Arkhangelsk province. Part 1: Description of external and internal life. M.: F. B. Miller Type, 1877. VII, 221 p – - (Izv. Imp. o. of lovers of natural science, anthropology and ethnography. Vol. XXX. Proceedings of the ethnographic department. Book V, issue I).

6. Kolesov V. V. The world of man in the word of Ancient Russia / V. V. Kolesov; LSU named after A. A. Zhdanov. Leningrad: LSU Publishing House, 1986. 311 p.

7. Krinichnaya N. A. The house: its appearance and soul : (To vopr. on the identity of symbols in mythol. prose and nar. it will depict. art) / N. A. Krinichnaya. Petrozavodsk : KSC RAS, 1992. 29 p.

8. Krinichnaya N. A. Krasny ugol: on the origins and semantics of the sacred locus (according to Northern Russian materials). Ethnographic Review. 2009. No. 2. P. 28-42 [Electronic resource]. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2009/Krinichnaya_%202009_2.pdf (20.08.2021).

9. Lantukh N. A. Dom as a sacred center and a sacred border in the Russian national picture of the world. Culture of the peoples of the Black Sea region. 2000. No. 13. P. 129-135 [Electronic resource]. URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94691/35-Lantukh.pdf?sequence=1 (20.08.2021).

10. Myths of the peoples of the world : Encyclopedia : In 2 volumes / Chief editor S. A. Tokarev. - 2. ed., Repr. ed. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 2003. Vol. 2. 671 p.

11. Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes / Russian Academy of Sciences. Institute of Slavic Studies and Balkanistics; Under the general ed. of N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. Russian Russian dialects, 1995-2014.

12. Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions. Vol. 1-6. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. university, 1994-2004.

13. Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1-45. Moscow; Leningrad, St. Petersburg, 1965-2013

14. Dictionary of the Russian language [Text]: in 4 volumes / Academy of Sciences of the USSR, In-t rus. yaz.; [ch. ed. A. P. Evgeniev]. 3rd Ed., ster. Moscow : Russian Language, 1985-1988.

15. Stepanov Yu. S. Constants: dictionary of Russian culture. Moscow: Academic Project, 2001. 989 p.

16. Teush O. A. The image of the Russian peasant house in the geographical space. Traditional societies: the unknown and the past. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference / Edited by P. B. Uvarov. Chelyabinsk: Publishing house of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. un-ta, 2018. P. 247-255.

17. Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 4 volumes / V. I. Dal. Moscow: Citadel, 1998.

18. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes-Moscow: Progress, 1987.

19. Encyclopedia of rituals and customs. / Brudnaya L. I., Gurevich Z. M., Dmitrieva O. L./ [Electronic resource] URL: https://www.booksite.ru/localtxt/enc/ikl/ope/diya/enciklopedya_obryad/19.htm, (accessed: 20.08.2021).

20. Ethnography and folklore of the Arkhangelsk and Olonets provinces [website]. URL: http://ethnomap.karelia.ru

21. Yakushevich I. V. The symbol "house" in the Russian language and poetic text. Vladimir: Transit-X, 2018. 182 p.

22. Yakushevich I. V. Linguistic realization of the symbol "house"in dialect names of human body parts and details of the Russian hut. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 7 (130). P. 92-99.

POROG IN RUSSIAN CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION

DYACHKOVA Irina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language Department,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, gyla4@yandex.ru

SHIRINOVA ARINA
Student,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
arinashirinova1@gmail.com

TIMANOVSKAYA IRINA
Student,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, Ohiko2016@mail.com

Keywords:
traditional culture
linguistic worldview
etymology
threshold
house
semantic motivational model
semantic motivational interpretation

Summary:
The article addresses the role of the lexeme “porog” (threshold) in traditional Russian culture on the basis of linguistic data. The analysis of its use in the literary Russian language and dialect reveals several motivational models originating from the archaic mythopoetic ideas about a threshold as part of a house. The understanding of this word as the boundary between space and time is most clearly and diversely represented in its meaning. At the same time, the word “porog” (threshold) can be used as one of the metonymic names of the house and personify everyone living in it. Equating a threshold with a whole house is also developed in some linguistic metaphors, including the use of this lexeme for naming the bottom relief of water bodies and the facts demonstrating the identification of a house and a human.